

Игорь Оленин

ВЗГЛЯДОМ ДОЛГИМ, КАК ДОЖДЬ

Мокрое на мокром не видно, но ощущение, что ступаю — след в след старику, идущему передо мной, для меня не менее реально, чем могли быть отпечатки подошв на асфальте.

Ветер заносит полы его пальто и коротковатые брючины, потертое пальто блестит осевшим на плечах дождем, толстый портфельчик болтается в жилистой руке, как неприкаянный.

Гляди! вот старость твоя.

Царственной осанке, гордой прямой спине можно позавидовать, но трудно поверить, что мне удастся приобрести такую, хотя бы со временем, так что: мерси! вы мне льстите.

И если совсем серьезно, жутко вдруг увидеть свою старость — какая бы она ни была, пусть величественная, а не гадкая или жалкая, старость это всегда всего лишь старость.

А доведись ему выбирать, Игорь Соколов узнает свою старость?

Сквер в центре площади старик обходит неспеша, будто на ходу срображая, куда податься дальше. Я прохожу прямо через сквер, мимо памятника, однако притормаживаю, будто моя прогулка зависит от того, какое он направление избереет. Игорю Соколову безразлично, куда идти, но неприятно ощущение, что он за стариком след в след. Дождь и ветер — приятели — треплют кусты в сквере, мгновение в просвете между мокрыми ветками вижу стекающие с худого красного лица глубокие морщины, плотно собранные губы, характерный нос, и эта статя, сильная походка — все знакомо.

Переждав транспорт, старик направляется в сторону Аничкова, а — к Пяти углам, что ж, не исключено встретиться теперь где-нибудь на Владимирской.

Игорь Соколов сбежал отсюда, как библейский павеса. Он захлебывался собой, перемешанном в огромном городе, не мог себя выловить, а хотелось — чтобы рассмотреть, успокоиться на свой счет и повидать в мире еще нечто, кроме Игоря Соколова.

Этот город хорош в воспоминаниях, в воспоминаниях и из нас многие хороши, но Игорь Соколов не создан жить в родном городе.

Теперь воспоминания вдохновляют, однако их надо изредка дополнять свежими впечатлениями. Два часа железнодорожной тряски разве препятствие? И редкий вагон обходится без красавицы, сегодня это молодая женщина высокого роста и с высокими формами, правда, одетая как тетка. Тяготы пути дискуплены, Игорь Соколов неисправим. Этот поезд возит деловых людей, они поспеют к началу рабочего дня. Он с ними, и он один, ему тоже нельзя опаздывать. Но не служит ли вытаскившее из берлоги известие, к которому надо отнестись серьезно и с грустью, лишь поводом поглазеть?

Железнодорожные подъезды ко всякому большому городу унылы и грязны, и снова танки на платформах...

Церемония в крематории прошла прилично и обычно — близкой родни у покойного нет, последние годы он провел, как догадался Игорь Соколов, в хроническом одиночестве, биться о гроб некому было. Удивило присутствие Кати, однокурсницы, не встречал ее с университетских времен. В толпе понурых мужчин со сломанными носами и их пожилых жен она ни с кем не разговаривала и, похоже, никого не знала. Но что-то да связывает ее с покойным, коли она была там, ведь подышать воздухом не приезжают в такие места.

Сложно разобраться в этом — он сам, можно сказать, посторонний.

Однако, что же так нравилось в ней когда-то? Она, по-прежнему, одевается в дорогое и модное, но ее сдержанность, за которой он раньше подразумевал чистоту, не есть ли ныне отражение холодности. Первый порыв был, когда увидел Катю, спрятаться, и он благополучно спрятался за спины. Вряд ли она заметила, да нет, наверняка не заметила, погруженная в свои темные очки.

По окончании церемонии он почти решился заговорить с ней, но Катя быстро прошла к автостоянке, не сняв очков, села в машину, уехала. В машине ее кто-то ждал, значит, она замужем или вроде того, пожалуй, казаться еще молодой ей уже стоит некоторых усилий.

Архитектурой крематорий отдаленно напомнил аэропорт.

В автобусе Спецтранса он добрался до города, но узнав по пути, что поминки приготовлены не в доме Сергея Сергеева, а по какой-то причине, которую не уловил, в доме кого-то из бывших его спортивных соратников, отделился от компании. Многие из них тоже годами не видели Сергея Сергеева, разговор в автобусе шел все о допотопных чемпионах и былых — не тех, что ныне! — славных боях. Как водится, каждый предлагал водителю свой вариант обратного маршрута, кое-кто просил высадить у метро, ссылаясь на неотложные дела. Будто много дел могло быть у этих стариков, будто не остались в прошлом их свершения и кумиры. Многие Игорь Соколов помнил, лица их состарились вконец, а некоторые производили впечатление жутковатое — годы не сгладили, а уж углубили следы полученных на ринге увечий. Игоря Соколова узнавать было некому, хотя, несомненно, на него, выделявшегося среди всех молодостью, внимание обратили. До распросов, по счастью, не дошло, пусть думают, что он тайный сын Сергея Сергеева, или тайный агент цероу. Все они чужие ему люди — что в них? Но покойный... должно быть, Игорь Соколов нарочно избежал рассмотреть его, чтобы бывший теперь покойником продолжал оставаться для него тем, кем был всегда.

Сергей Сергеев — единственный человек, которому Игорь Соколов когда-либо пытался подражать. Для него су-

ществуют авторитеты, он, слава богу, не потерял способности восхищаться людьми, но подражать — нет. В мальчишестве он увлекался боксом и писателем Джеком Лондоном, но писателю не хотел подражать ни тогда, ни после, а тренеру по боксу — пытался.

Но не одни ли слова эти восторги? Снова каверзу себе задал. Во всяком случае, помимо любых слов, сколько бы он их ни напридумывал, черт его побери, он примчался, узнав о смерти Сергея Сергеева, бросил все и успел... в крематорий.

Многого переменилось с библейских времен — вместо посвященного ему бифштекса, город встретил блудного сына дождем. Непрерывно морозящий дождь, не сильный, но густой и именно морозящий, ветер, вбивающий влагу в складки одежды и под одежду, вызывает чувство уязвимости. Бифштекс бы теперь очень кстати, он проголодался, но возможное хамство официанта или гардеробщика, какофония ресторана — сейчас уже нельзя туда, о желудке следовало позаботиться раньше, он слышит приближение темн, вроде чесотки внутри, отвлекаться нельзя. В конце концов, это единственный город, где климат как раз по нему. Он глядит поверх нахмуренных, словно затянутых в макинтоши домов, в бездонно-серое и безучастно-слепое мокрое небо, пожимается, вздыхает, не горько, а как будто выбор сделан — и он вступил на некое попрание. Мышь беготня мыслей уступила немоте ожидания, сосредоточенному любопытству. Нарочно идет проходными дворами, будто его знания оставляют за ним какие-то права, заглядывает в окна. Почти все окна еще черны, стены во дворах желты — смеркаться только начало. Оживление в пейзаж вносит веселенькая вывеска ДНД, желтые освещенные окна пункта забраны в черную решетку. Сергей Сергеев бывал здесь. "Очень прошу, — учтиво обращался к дружишкам, — повлиять своим статусом на соседей, открыть мне дверь". Двойственное впечатление производил старик с наружностью грома и манерами просителя. "Ключи забыл, поскольку вы-

бежал в расстройстве чрезвычайном, без шапки, я ведь за врачом, и вот результат — не пускают обратно". Студенты, порывавшие закинуть красную повязку в карман, служивые дамы из ближайшей проектной шараги, решившие посвятить вечер обсуждению кулинарных рецептов, которые вряд ли хоть одна воплотит в практике, подождут ноги под стул, опасливо перемнутся. В помещении светло и уютно, надышались, а снаружи мрак и мерзость. "Посидел бы с вами, да — домой непременно надо, — жадно перебрасывает Сергеев блестящий взгляд с одного лица на другое, — Танечка очень плоха, они ведь и врача не пустят". В растерянности ладонью потирает на груди старую, потерявшую цвет олимпийку. "Ну, попросите соседей, люди же они, не звери", — советует сердобольнейшая из дружинниц. "Ой! Ой!! — словно от бор-машинны отмахивается Сергеев, — эти люди хуже зверей!!! Они нарочно, знают, что Танечка на волоске, поэтому врача не допускают". — "Ключи-то, может, в подкладку запади- или еще куда, поищите хорошенько", — советует рассуди- тельнейший из дружинников. Старик ищет сосредоточенно, синие жилки трепещут на носу и впалых висках, безуспешно: "Поверьте, мне так совестно злоупотреблять вашим внима- ем, но Танечка, боюсь подумать, что с ней". — "Ничего, ни- чего, отец, — срываясь от волнения на верхних нотах, заве- ряет студент, — это наш долг". — "Да? тогда я спокоен, — и старик живо подкидывает щею: — Давайте дверь сломаем, дружиной-то враз укротим". — "Э, это милицию надо, — спо- хватывается старший, — хотите, в милицию звоните, а мы не можем". — "Вот это выход!" — шлепает себя по лбу Сергей Сергеев. К обросшей щеке бережно прижимает телефонную трубку, в выражениях, изобличающих коренного ленинградца, просит содействия, внимательно выслушивает ответ дежурного, затем более настойчиво излагает свои обстоятельства, дру- гую щеку он со скрежетом почесывает, на морщинистых паль- цах с некогда раздробленными опухшими суставами татуиров- ка: С-е-р-ы-й, якорек с канатом. Ситуация, по его словам, тем осложняется, что ключи, как начинает он припоминать, пропали вроде бы после посещения опорного пункта, не попал

ли он в сети заговора... Нет, машину, чтобы разбирать квартирные дразги, они гонять не будут, вот если бы вас избивали, дело другое, а так ждите себе врача, он разберется, а нам не мешайте... - "Так изобьют, изобьют, - смятенно топчется старик, - я не хочу ни на кого бросить тень, но дружинники не вызывают доверия, вам бы приехать на полминутки, проверить документы, в трубочку дать нам всем подышать, а я их придержу пока"... Является участковый, они давние знакомые: "Опять звал дверь ломать? - Идите, гражданин, идите". - "Сей секунд, сей секунд", - с видом крайней робости перед участковым выбегает Сергей Сергеев. "Каков артист, - усмехается лейтенант, - с приветом, конечно, допился, таких забирать бессмысленно, он мухи не обидит, только вяжется ко всем, а был большой человек, чемпион, по заграницам катался, нам бы так"...

"Очень извиняюсь, - просовывается в помещение голова с безумными глазами, - но меня не оставляет впечатление, что в моем кармане побывала чья-то рука"... - "Чтоб тебя!" - кричит в сердцах лейтенант. Голова прячется, но форточку заполняет возглас со двора: "А Танечка, прошу занести в протокол, кончается, пока мы тут"... Он бродит переулками, негромко, но азартно и как бы язвительно похохатывает, ты можешь безбоязненно приглашать ломать свою дверь, ничто ей не грозит, коли ты просишь о помощи, никто никому не поможет. Затем принимается подглядывать за жизнью в освещенных окнах, похоже, у него есть любимые окна, перед ними он с крихтением прыгает, стремясь подглядеть жизни побольше. Осадки выпадают на продолговатый, покрытый пятнами седины, череп.

Усиленные наряды милиции, замкнутые в себе стайки молодежи - сегодня первый день рок-фестиваля в Доме народного творчества.

Кафе - сильный козырь в игре за право называть этот город своим. Сколько он просидел здесь, глаза на девчонок и выдумывая всякую всячину! Действительно, войдя, Игорь Соколов сразу видит в очереди себя, в бытность свою завсег-

датаем этого кафе. Плащ молодого человека помят на сгибах, волосы на затылке взъерошены, взгляд замешан на кофе и на мечте. Возможно, волосы взъерошены от мотоциклетного шлема? Нет, он не мотоциклист — такому руля не доверят, он явно чужд технике, однако его причастность большой дороге не вызывает сомнений. Игорь Соколов — пешеход.

К его предложениям она была непреклонна, и в конце концов, все желания относительно Кати сошлись к тому, чтобы прогуляться вместе после лекций... или в кино сходить, а? Ох, отказывала Катя, еще столько делать на завтра! И равнодушно перекатывала из стороны в сторону углубленными глазами, они блестели при нем всегда одинаково спокойно. Раздражали, злили, манили ее едва заметные усики, от строго-девической походки голова кружилась. Любуясь ею со стороны, едва преодолевая соблазн внезапно пихнуть ее, сбросить с нити, по которой она ходит, не замечая его. Крепив сердце, Игорь мог допустить, что она к нему равнодушна, даже то, что у нее есть другой молодой человек, но ссылки на большую занятость учебной жгги, как насмешка.

Лишь однажды представился случай, и... он повел ее в спортивный зал, познакомиться с Сергеем Сергеевым. Следовало вести девушку в ресторан, она бы не отказалась, и ресторан мог стать началом нового этапа отношений. Но в этот особенный день хотелось поделиться лучшим, что имел, и он пообещал познакомиться с человеком, сыгравшим в его жизни решающую роль. Возомнил: раз она пошла с ним, значит, ее интересует его мир.

Не застали Сергея Сергеева. В такие дни, как тот, дается одна попытка, у него она сорвалась, в ресторане тоже не побывали. К станции метро, откуда девушке предстояло отбыть в свою новостройку, проходили сквером через центр площади. Игорь спешно набрал листьев в осенний букет, это имело для него символическое значение — он был все-таки совсем юн. Катя поблагодарила и не позволила проводить себя дальше, острые уголки ее рта кольнули вниз, она предпочитает в качестве букета цветы, купленные по-людски на рынке, а не мокрые листья, по которым ходят ногами.

Тогда он еще рассчитывал жить по-людски, как сказала бы Катя, это она дальновидно учуяла в нем опасного зверя.

Не смотря ни на что, Игорь Соколов продолжал считать женщин существами благодарными. Если любишь и возьмешь труд доказать это, она не останется безучастной. Должно быть, по отношению к Кате он не проявил достаточного терпения...

Публика в кафе налегает на мороженое, — горячительное недавно сделалось под запретом, — интересно, сколько шариков можно уложить в себя за вечер? Комичное впечатление производят молодчики, с нависшими на глаза косыми крашеными в рыжую масть челками и выбритыми затылками, в огромных количествах поглощающие мороженое — мрачно и будто целеустремленно, от сиропа что ли куража ожидая. Вдохнул Игорь Соколов и о буфетчице его времен, женщине, признаться, крикливой и сомнительной честности, однако кофе варившей отменный. Нынешняя буфетчица — бледная, медлительная, грохотом музыки задолбанная до полубоморока девица — надменно отпрыгнула из кофеварки отвратительную бурду, плату взяла за двойной. Почти никто из посетителей не разговаривает, даже соседи по столику, которых лирик Игорь Соколов спешит назвать влюбленными. Еще более странным, чем бессловестность, кажется то обстоятельство, что по отношению друг к другу "влюбленные" не проявляют никаких эротических поползновений. Выпучив глаза, парень вдруг закашлялся — мороженое не в то горло пошло, но подруга лишь сочувственно наблюдает за его муками, вместо того, чтобы хорошенько постучать по спине. Они столь целомудренны, или настолько безучастны? Глядя на них, Игорь Соколов тоже стесняется помочь соседу, — подумает еще, что пристает, — слава богу, тот сам выкарабкался, а то сидел бы так, пока задохнется. К сожалению, Игорю Соколову не удастся найти оснований их целомудрия, скорее он предполагает причины безучастности. Похоже, рассуждает он, искусство периода преодоления горячительности не в состоянии рассказать о себе — слишком приучены они слушать, отмалчиваться по поводу услы-

шанного и — не верить. Они предпочитают заткнуть уши ушкамими и слушать музыку. Он сравнит это юношество с боксером, ушедшим в глухую защиту: не имея мужества ответить на удары и умения избежать их, боксер кланяется, пассивно принимает удары в перчатки, локти, плечи, лишь бы сохранить голову и сердце, так бой не выиграть, но хотя бы продержаться до гонга. Во всяком случае, у них хватает сообразительности не спешить делаться взрослыми. Но если поколению Игоря Соколова, тяготившемуся своей несамостоятельностью, так и не удалось обрести независимость, то теперешнему населению кафе, пестующему свою молодость, явно не удается удержать непосредственность восприятия жизни.

Вечное пристрастие русского интеллигентного человека разглядывать тех, кто хотя бы лет на десять моложе, и вроде бы возлагать на них надежды. А потом укорять, что надежды не сбылись. Не оттого ли оно, что русский интеллигентный человек всегда быстро выдыхается и еще быстрее оставляет надежды на самого себя. Отчего так повелось?

Кафе вскоре закрылось, "влюбленные", не коснувшись друг друга, обменялись неопределенными полужестами, что-то пробуркнули на прощание. Кажется, пора Игорю Соколову на вокзал — поздно, но внутренний голос шепчет, что уезжать из города нельзя, рано. "Будут заморочки!" — вот что сказали молодые люди, прощаясь, и этим сказано многое: и то, что Таньке в ее возрасте опасно вечерами на улице бывать, и то, что юркин отец вконец рехнулся и готовит очередную порцию нотаций. Неразумный сын не постигает, что отец желает ему, единственному отпрыску, блага. Это был честный городской мужик, по вопросу блага у него давным-давно сложилось мнение достаточно определенное. Во что бы то ни стало, выполнять все, что велят выполнить. Разумеется, жизненный опыт порушил уверенность в том, что за послушание благом вознаграждается непременно, разумеется, так почти не случилось, но оттого, что необходимо быть в чем-то убежденным, он был убежден в этом. И пытался вдолбить своему твердолобому Юрке: если все выполнять, не сделают тебе хотя бы зла. А уж если совсем честно, — правда, тут сердце темнело от

горечи, — могут, конечно, сделать, — но хотя бы не нарочно. Весь день не переставал он думать о поворотах общественного бытия, — что на работе, между прочим, чревато нарушением правил техники безопасности, — но отчаявшись удержать их все в памяти, он постепенно заклеил квартиру газетами поверх обоев. И все же продолжал путаться, нервничать, и будущность сына внушала серьезные опасения... Придя домой, Юрка не раз пришлось "дыкнуть", экспертиза затянулась, то ли потому, что развешенному отцу казался подозрительным запах вишневого сиропа, которым удобряют мороженое, то ли потому он не мог определить источник преступного аромата, что сам не изжив окончательно пагубного пережитка, хлебнул — таки белой, — за что вину чувствовал, — очень чувствовал! Юрка выслушал лекцию, в течении которой разгорячившийся отец бил пальцем в стену так, что под газетами штукатурка сыпалась. Отец куда-то все звал, — стремиться в эти туманные дали все они зовут, — а Юрка, надо сказать, никуда уже не хотел. Когда мальчика спустили спать, он проворно накинул дверной крючок в своей комнате, где поверх газет стены оклеены плакатами с изображениями западных девок, авто и лабухов, уставился в окна соседнего дома... но свет был потушен почти везде, и стриптиза не получилось. В то же время укладывался спать рядом со своей сонной, умаявшейся за день женой отец. Неетарый еще человек, он по-стариковски крякнул: "Скорей бы уж в армию, сил нет"... Взвизгнули пружины, это рывком повернулась жена: "Думаю, что мелешь! — мать Юрки выдохнула жаром и ненавистью: — Ты знаешь, куда его пошлют, знаешь?!" И сделалось еще тошнее, непонятнее и нестерпимо захотелось на кухню, добавить...

Домой Танька бежит во все лопатки, за ней скользит закатое двумя рядами домов небо, низкое, сумрачное. Оконные решетки первых этажей в форме оттопыренных животов, — в темноте кажется, что стены вдоль всего переулка подпирают притаившиеся охранители нравственности. Она старается держаться подальше от подъездов — и оттуда в любой момент могут наперехват выскочить. На прошлой неделе заме-

ли полдесятого в ментовку, продержали до утра. Там, в клетке, набралась жизненного опыта за одну ночь, повторить не тянуло. Вызволил сосед дядя Сережа, танькина мать там известна, поэтому ей лучше было не соваться, дядя Сережа тоже очень хорошо известен, но у него справка, и он не только ничего не боится, но даже ищет случая лезть на рожон. В последнее время он стал ей вообще как отец, подумала Танька и на бегу рассмеялась: какой же он тебе отец! И все-таки жаль, что дядя Сережа старый и нельзя с ним пройтись вечерком. С ним она бы ничего не боялась, а Юрочка мальчик ничего себе, но вечером им ходить вместе никак нельзя — не ее потащат, так к нему пристанут, начнут выяснять, почему нигде не работает. Отдышаться Танька позволила себе только под аркой дома, где жила, но и здесь она еще не была в безопасности, в темноте по углам двора возмись кошки — а может и засада? — очертания мусорных баков, зачехленного автомобиля размыты в темноте, отчего пропадает уверенность, что все эти предметы неподвижно стоят себе и не сулят какой-нибудь опасности. Она поднимает глаза и видит в окне второго этажа знакомую, освещенную изнутри мягким домашним светом клешню. Клешня делает приглашающий жест. Танька с видимым безразличием поводит плечиком, но клешня, на которой раздичим синий якорек, миролюбиво, ласково и настойчиво продолжает приглашать. С гримаской независимости и почти забыв, что и здесь она еще не гарантирована от нежелательных встреч, девушка входит на лестницу, ведущую домой, но поднимается лишь до второго этажа, заглядывает в приотворенную дверь: "Что вам, дядь Сережа?" — Наконец-то некого бояться! — "Заходи, гостьей будешь", — приглашает хозяин, добродушно и скромно поглаживая на боках застиранную олимпийку, за воротом которой видна белая рубашка. Но Танька видит прежде всего поставленную ровно на середину стола бутылку: "Что это у вас, дядь Сереж?" — приятно, что ее ждали и готовились встретить, она пытается сочетать в голосе оттенки изумления и незаинтересованности. "Гвоздичка это, — с невинным видом отвечает пожилой мужчина и достает из

заднего кармана брюк несколько помятый цветок, — а это, —
вино то есть, ты, хитрюшка, сама еще с улицы почувля", —
оба смеются. Славно, что есть с кем продолжить день, а не
кончить его ничем! "Только чур, я из кубка буду!" — ко-
зочкой бросается девушка к шкафчику, где хозяин держит
спортивные трофеи и посуду. "Это можно, — словно раздумь-
вает он, — но такой чести удостоивается не каждый". —
"Что, драться с вами за этот кубок, что ли?" — смеется
Танька и возвращается к кушетке, где он сидит, — она при-
мерно догадывается, чем будут они заниматься до вручения
ей кубка. "Нет, сегодня поединки отменяются, но пьющий из
кубка должен обладать целым рядом достоинств, скажем, неж-
ными лядками... крепкой грудкой", — жизнь прекрасна, ночи
впереди еще много, и он неспеша трогает называемые места.
Танька наблюдает его действия с любопытством, но молодость
спешит все сразу иметь, не упускает она из виду и нетро-
нутую бутылку: "Дядь Сереж, смотрите, за спавание когда-
нибудь привлекут", — "Раньше, радость моя, в таких случа-
ях грозилась привлечь за совращение", — смеются и продолжа-
ют... Когда дело доходит до возлияния, и они сидят за сто-
лом, Танька мотает головой в сторону растормошенной кушет-
ки, шутивно-ворчливо замечает: "Вот ведь 17 лет уже на
свете живу, обходилась раньше без этого, а теперь саму тя-
нет", — стриженные под панка, петушком стоящие на макушке
волосы колеблются, словно в ветренную погоду антенны на
крыше. Со смешанным чувством грусти и благодарности стар-
ший из полуночников смотрит на размазавшиеся детли, кото-
рые его подружка черной тушью вокруг глаз наводит, на спор-
тивные, будто детские тапочки под кроватью, в которых по-
коятся не слишком свежие ее носочки, его переполняет неж-
ность к владелице этих тапочек, словно к дочери, и чувст-
во, которое всегда переполняет мужчину, обладающего луч-
шей из встреченных им женщин. Чувство жизни. Но ему оста-
ется лишь несколько сентенциозно ответить: "Знаешь, всег-
да тянет к тому, что было... но теперь, сколько ни прожи-
ви, вряд ли будет что-нибудь по-настоящему новое". Рас-

свету не скоро еще прорезаться, за окном черно — будто там ничего нет, и тому, кто в хорошей компании покойно коротает ночь при желтом теплом свете лампочки под бумажным абажуром, пожалуй, ничего больше не надо, да и будет ли что-нибудь лучше...

Если не злоупотреблять слишком частыми путешествиями в крематорий, город не кажется огромным. Но ведь безотлагательно понадобится там всего однажды. А этот отягченный испарениями каналов воздух — коли вьелся в тебя, укрепит, как ничто другое!

Дом, в котором раньше жил Игорь Соколов, расселен и ожидает ремонта, номер катинного телефона записан на обоях в коридоре, где висел аппарат, на минутку он заглянет полюбопытствовать, что там и как.

Город перенаселен случайными в нем людьми, в очередной раз он понял это, когда сегодня фланировал Невским, проспект был битком забит случайными. Возможно, именно это вытолкнуло его отсюда. Повсеместно лотки, город дергается быть пригодным для жизни, здесь в основном продают и хватают. Но вот когда провозгласят законными жителями — одних тех, кто готов в нем погибнуть, Игорь Соколов обязательно вернется. Чтобы не было случайных — как в блокаду, когда остался только тот, кто действительно должен был быть здесь...

Давя подошвами осколки, Игорь Соколов продвигается по хорошо знакомой квартире, для верности руки вперед выставляет. Лампочки вывернуты, но со двора проникает свет, постепенно глаза обвыкают. В комнате, где некогда спал, именно в том углу, где стояла кровать, на пол накидано мрачное тряпье, здесь явно кто-то обосновался. На стуле мелкие предметы домашнего обихода: пара тарелок, металлическая кружка, вилка, даже платяная щетка есть. Потрогал висящую на спинке стула рубашку — еще мокрая. Будто попал в занятый гостиничный номер. Простота изысканная, но все необходимое есть: керосинка, чайник, свеча, газеты "Советский спорт" сложены у печки аккуратной стопкой. Может

быть, макулатуру и здесь собирают? Игорь Соколов перетрогал все и даже воспользовался платяной щеткой. Запалив свечу, не без замиранья в животе, — сейчас как-то трахнут по голове из-за двери! — обошел квартиру, отодрал клок старых обоев. Катя дала свой телефон в конце разговора, который показался ему оскорбительным, последнего между ними разговора... Теперь пора ноги унести, на вокзал, но не откажешь себе в удовольствии присесть на секундочку на кипу газет, привалиться спиной к рифленой поверхности давно остывшей печки. Он видит тренировку мальчишек-боксеров, Сергея Сергеева, стоящего на гимнастической скамейке, оглядывающего с возвышения учеников: "Раз-два, раз-два, быстрее, быстрее, раз-два!" — счет сопровождается хлопками в ладоши. Красноватое худое лицо, колючий взгляд, короткая стрижка, выразительный подбородок, приплюснутый к верхней губе нос... нос старика на площади. На удивление прямая, не боксерская осанка, зато типично боксерский нос — природа, подправленная ситуацией.

Из детского малодушия Игоряша взял моду во время спаррингов отворачиваться от противника. "Молоток возьмет, пока не смотришь, и даст тебе", — поддразнивал из угла тренер. Игоряша пытался выправиться, но стоило событиям на ринге обостриться, забывался и снова отворачивался. Кто отворачивается, отстывает, даже когда идет вперед. "Ну, включи задний ход", — разочарованно тянул Сергей Сергеев. Действительно, если тебя бьют, достанется в любом случае, отворачивайся или нет. "Посмотри, откуда получили!" Святая правда, хотя бы это полезно узнать в ситуации, если не можешь поменять ее на обратную. Однажды Сергей Сергеев прервал спарринг окриком: "Стоп. Достаточно. Уходи, трус". Остальные мальчишки, занятые своими партнерами, не поняли, к кому Сергей обращался, один из них, Павлик Коган, спрашивал: "Кто, кто трус?!" И пришлось признаться: "Я трус", — пожал плечами, кисло усмеялся, будто говоря это, он говорил не о себе, а о ком-то постороннем.

Впоследствии, Игорь Соколов думал, что исправление началось именно с признания собственной робости. И не мыс-

ленно, а вслух, во всеуслышание. Говорят, что признаться в своем недостатке это уже поступок из разряда достойных. Но записав эту общеизвестную мысль в блокнот, он тут же подумал, что, вероятнее всего, пытается подсластить пилюлю, принятую в детстве. Лекарство должно быть горьким. Жаль только, что фармацевта, как Сергей Сергеев, встретить не часто.

Труден был путь на следующую тренировку, но Игоряша не мог уйти. Он был захвачен обаянием спорта. Драгоценными были запах боксерского зала — особый запах перчаток и пота, скрипение раскачиваемых кулаками снарядов, ритмичное дрожание пола от пританцовывания бойцов, шелест обжимающих спину канатов. Весело было усталым возвращаться с тренировки, подчас освещая дорогу фонарем под глазом, подчас посасывая кровь из рассеченной губы. Не отказаться было от страха и восторга, неизменных спутников бокса, где насыщенные событиями минуты длятся порой бесконечно, но каждый миг исполнен разнообразнейших чувств. И не мог отказаться от Сергея Сергеева, боготворил его... И это — помогло впредь не отворачиваться. Партнер, раздосадованный или удивленный его неожиданной стойкостью, усмил натиск, но Игоряша не дрогнул. Стало только веселее, и заметил, что когда ты уже на ринге, страшно не бывает, просто можешь поддаться чужой воле и тогда тебя наверняка побьют. И пока ты на ринге, больно не бывает, это потом начинает болеть, однако боль сладка, если пробуждает отрадные воспоминания.

После тренировки Сергей Сергеев похвалил его, ободрил на будущее. Мальчик был на небесах от счастья. Он понял главное: ты должен сделать все, что от тебя зависит, и если это тебе удалось, ты не побежден даже в случае проигрыша.

В глубине души Катя никогда ничем не бывала довольна вполне. Возможно, для кого-то это было свидетельством ее незаурядности. Желания возникали, но исполнение желаний не приносило удовлетворения, то есть полного, то есть вро-

де как счастья... ни мига счастья! Она ориентировалась всегда на то, что попроще, не забиралась в заоблачные выси. Однажды ее подруга проболталась Игорю: Катя сказала о нем, что он слишком для нее хорош, подруга не понимает ее! Но его не интересовала подруга и он вздохнул о том, что не прочь быть чуточку плоше... Катя знала, что есть люди, которые живут иначе, чем она, им доступно большее, лучшее счастье. Хотелось отведать рому с перцем, а пробавлялась жидким чайком, восхищалась теми, кто огненной смесью питается, а сама отваживалась лишь на чаек. И, разумеется, презирала себе подобных. Прозрение этого ее свойства делало Катю в глазах Игоря Соколова натурой ограниченной.

Вскоре он бросил университет, и не жаль, слишком там напоминало казарму. Причина, конечно, не в одном том, что мальчики носили полувоенные зеленые курточки, а девочки предпочитали зубрежку поцелуям врасос. Он понял, что если надеешься на что-то, что предстоит еще найти, надо уметь отказаться от того, что уже имеешь. Не было охоты лишний груз тащить и жаль было времени. Он искал озарений и презирал гарантии. Помнил уроки Сергея Сергеева и не отворачивался от своих надежд.

И все же он был влюблен в нее, и она не ответила взаимностью. Или скрыла свои чувства? Положив блокнот на колени, в известном смысле он был хозяином положения и мог решать за нее, что угодно.

Вероятно, с какой-то черты человек продолжает жить дальше с ощущением, что жив, только имея в прошлом хотя бы одну безрассудную выходку, прекрасную или безобразную, великодушную или злую по последствиям. В юности открываешь в себе жизнь как впервые и продолжаешь жить с сознанием, что жизнь в тебе есть. Впоследствии редко кто продолжает доказывать, что живой, большинству людей достаточно узнать это однажды. Катя не узнала. Уголки ее рта все чаще покалывали вниз, постепенно катино лицо обрело постоянное надменно-недовольное выражение.

Муж Кати собирал телевизоры. О том, что это его призвание, она заключала по многим признакам. По умиленным рассказам свекрови выходило, что он занимается этим с детства — чудный ребенок, вместо того, чтобы стены подпирать в подворотне, он знай себе собирал. На заводе успехи в сборке отмечались и поощрялись. Но будучи натурой увлеченной, он продолжал совершенствоваться дома. Ко всему прочему, смотрел телевизор. Катя была уверена, что в час зачатия ее супруга в комнате его родителей светился экран старенького "Волхова".

Однажды, соскучившись бытом, Катя объявила, что у нее любовник. Помешкав, муж швырнул вазочку из небьющегося стекла в сторону телевизора, он не рассчитал силы своего порыва — сшиб ручку переключателя каналов. Тут, опасаясь, но и желая дальнейшего буйства, она созналась, что там все в прошлом. Муж повосклищал еще немного и в конце этого не совсем обычно проведенного вечера признал, что виноваты они обоюдно, призвал к всепрощению, приладил попутно новую ручку, не хуже прежней. Спать даже легли не позднее обычного — объяснение нектати пришлось накануне рабочего дня и они не могли позволить себе роскошь проговорить всю ночь.

Не тая греха, Катя сильно пожалела, что поторопилась сообщить о разрыве с любовником, но тут она как раз сказала правду, что в супружеской жизни происходит сравнительно не часто. Это был черноволосый, худощавый, элегантный мужчина, складом лица неотвратимо наводивший на мысль о некоем механизме для колки орехов. Своего местожительства она обожателю не открыла, что впоследствии дало основание похвалить себя за предусмотрительность. Встречались они — в вагоне СВ, в двухместном купе которого пару раз проехали на выходные в Москву и обратно. Мужу говорила, что к маме. "Привет маме!" — говорил муж... Пару раз в выходные — получается как раз две недели, или четыре беспокойные ночи на колесах. Но если ее партнер не был привередлив, то Кате после любовных утех очень недоставало горячего душа. Кроме того, он проявил отвратительную черту

пользоваться ее духами, обильно ароматизировал себе все места и ржал при этом, считая, видно, что шутит и очень весело. Ну да, он был менгрел, и что тут особенного!

Точку в отношениях поставила, когда он потребовал... замуж. Ему нужна прописка, смекнула Катя и с негодованием расторгла связь, считая себя, однако, вкусившей прелестей романтической любви, что вроде бы давало повод еще больше возвыситься над-скучным мужем. "Куда ему понять меня, этому телевичку!" - думала Катя, но перед телевизором сидели вместе.

Приобретя машину, свободное от телевидения время муж посвятил занятиям в гараже. "Когда он занимается мной?" - по пути из гостей спросила себя Катя. - Он либо тискает телевизор, либо под машиной кряхтит". Муж вел фиат с оскорбительной для нее осторожностью. "Пожалуй, только совмещая с обзором событий в мире, или в машине за городом". Заниматься непосредственно на травке ненавидела - весь день потом чешешься. Пристяжной ремень перехватывал катин выпяченный живот, это могло быть объяснением, почему он так осторожно ведет машину, но нисколько не оправдывало его занудства.

Срок приличный, некуда деться, да и тянуть вроде некуда, первый ребенок будет поздним ребенком. Она не хотела никакого, это не принесет ей счастья, знала она заранее. Как, впрочем, ничто не принесет... Распухло лицо, пикантные в обычном состоянии усики глупо топорщились над верхней губой. И столько неудобств с одеждой! Всегда внимательная в нарядах женщина попала врасплох, когда понадобилась для нее одежда как для будущей матери. Вообще неприятная ситуация - то, что беременная, а не как обычно. Раздражающее отклонение от нормы, подумала Катя, заметив в свете фар на блестящем асфальте какое-то чучело в шляпе. И что ни съешь, все безвкусное, как манная каша. "Глянь!" - позвала она мужа, тот обернулся к ней, она почувствовала мягкий толчок в спину, и черное пятно, вроде кляксы, залепило лобовое стекло...

В волнении Игорь Соловов вскакивает с газет, роняет

свечу, рассыпает с колен измаранные листки, мотается по бывшей своей комнате, задевая чужие вещи, снова усаживается на место. И раньше в родном городе нечего было делать, кроме одного — писать. Уехав, ничего нового не приобрел, даже не приучился пить, — наверное, слишком поздно уехал, — по-прежнему, единственным развлечением оставалось писательство. "Вместо бифштекса!" — черкает он в блокнот...

Пришлось взять яичницу — все мясо съели, пока тянулась болтовня. Пожилые руководители семинаров в Доме литераторов вообще на редкость щедры, когда дело касается разговоров и не надо ничем делиться. Сдерживают в русле пыл молодых писателей, выявляют среди них подающих наибольшие надежды сделаться старыми. Ветшает роскошь особняка Шереметьева за вещами, внесенными позже, в конурках за убогими пергородками литературы, будто пережидают наводнение среди наспех спасенного скарба. Игорю Соколову не впервой было выходить отсюда не окрыленным, но с все более определяющимся чувством презрения к себе. В наводнение, должно быть, всегда спасают прежде всего хлам.

По нему так даже лучше, что нет бифштексов, провозглашает старичок-руководитель, надо избегать тяжелой пищи, вообще излишеств. Лицо его будто долго-долго сандалили тряпкой, которой школяры мел стирают, вместе с цветом оно потеряло и какие-либо характерные черты. Рюмочку водки вытягивает с таким видом, словно не добровольно, а потому что положение обязывает. Черпает ложечкой яичко всмятку, очень старается придерживаться манер, поэтому всасывает прозрачный белок не с очень громким свистом.

Отделка столовой мнится Игорю Соколову грубой стилизацией, вид на Неву, катящую зеленоватые, бугристые волны, не исправляет положения, наоборот, лишь подчеркивает несоответствие дубовых панелей лицам литераторов, изготовленным, вероятно, из менее благородных пород дерева. Однако, главное было сказано именно здесь, в неофициальной, как говорится, обстановке... Всякие он застал времена, в том числе и смутные, скажем так, трудную жизнь прожил, но, и в этом он не оригинален, он готов пройти все трудности

снова, лишь бы быть опять молодым. Только!.. и тут руководитель машет над столом очками, призывая ко вниманию... он согласится начинать снова — там, в те времена. А теперь, о! он не хотел бы-быть молодым теперь... Нацепляет очки на нос и глядит из-за стекол с весельем того рода, с каким в метро глядит проشمыгнувший между створками на тех, кто не успел.

Итак, быть профессиональным писателем: управляться со словами таким образом, чтобы создать цепь рассуждений там, где нет мыслей, и скрыть свои мысли там, где совесть заедает. Дело слишком обычное в отечестве, в котором чем пуще лгут, тем истовее к правде взывают. То-то наш интеллигент привык на потомков уповать, как тут сохранить надежду на самого себя!

Но царственной осанки старика на площади, на этом пути не обрешь, никак невозможно.

Выходит, надо принять бой, и не стыдно потерпеть в нем поражение или даже погибнуть, стыдно струсить и не выйти на поединок, так некогда проповедовал Сергей Сергеев.

Он вполне освоился, не ведрогивал больше на порохи в пустом доме — его постоянному обитателю не вернуться. Думает о Кате, о Сергее Сергееве, о себе, последнее, разумеется, основной предмет дум. О том, как пролезают наши судьбы: пересекаются всегда в одной точке. Никогда не знаешь, в какой именно точке моя судьба пересекается с твоей, встречно ли мы идем, или уже расходимся. Чаще люди предпочитают разойтись, они дорожат воспоминаниями как собственностью. Люди боятся новых встреч, поскольку всякий встречный — если не твоя жертвочка, то непременно покуси-тель на твою драгоценную собственность, например, воспоминания. Все жизни зависят каждая от каждой, только тебе не дано понять меру зависимости твоей жизни от чьей-либо.

Не стоит долго распространяться о бедах Сергея Сергеева. Одинок — пусть этим все будет сказано. Одиночество — это такая вещь, которую каждый поймет ровно настолько, на-

сколько сам испытал. Не следует одиночество складывать с прочими бедами, нет, все беды Сергея Сергеева были помножены на одиночество.

Проснувшись, взглянув в окно, Сергей Сергеев увидел: на нас сбрасывают. Телевизор давно ть-ть, зато радио включено круглосуточно, он был в курсе обострившейся обстановки. Пытался поймать рукой, рассмотреть — где была ладонь, мокрое место стало. Старик взвыл, с треском распахнул раму, по водосточной трубе вверх пополз, это наверняка провокация бабки-жидовки, кидавшей мимо его окна горящие газеты, он высадил локтем стекло, ворвался в логово изменников, с окровавленным лицом и ладонями...

На радиаторе милицейской "канарейки" таяли первые снежинки.

В течении зимы экскурсии по государственным учреждениям. В каждом последующем халаты были чище, чем в предыдущем, а решетки элегантнее. Лечебница, затем другая, выяснилось, что неизлечим и скоро умрет. Когда его будущность определена, отпустили на волю.

Слоны, стерев к старости бивни, обреченные на смерть, уходят в болота, погибают без посторонних глаз. В стареньком портфеле небольшое собрание журналов "Вокруг света", — Сергей Сергеев не расстается со своей библиотечкой. Пополняется она из мусорных бацков, случается подбирать интересные номера в саду под скамейками — он все про слонов ищет удостовериться. Можно попробовать обменять у макулатурщика на "Советский спорт", собирать который нет проблем. Разумная мыслишка, отмечает Сергей Сергеев, тем временем тщательно прилаживая ржавый лист, прикрывающий вход в "ателье-палас", как называет он свое последнее пристанище. Миновало время жить, настало — умирать. Просунув все гвоздики какой куда полагается, вытирает носовым платком ладонь, затем, сложив и спрятав платок, сморкается, зажимая попеременно ноздри большим пальцем, как бывало в перерывах между раундами. Вообразил вдруг содержимое ведер, стоящих по углам за канатами, морщится. Мда, в свое время пролил крови на ринге не меньше, чем иные на войне. Возможно, поэтому

многим страхам, владеющим людьми и поворачивающим их жизни в русло однообразия и относительной безопасности, недоступен Сергей Сергеев. Мысль о собственной смертности для него не предмет размышлений, жизнь получилась нескладной, теперь важнее умереть — как слоны... "Но! но!! стоять!!!"—командует он, как командовал себе во времена юные, например, в финальном бою, когда соперник, сохранив к последнему раунду силенки больше, чем предполагалось, двинул по печени, будто ломом проткнул. Сергей Сергеев достаточно хорошо знал, что следует за тем, как скрючиваешься в три погибели и в глазах темно от боли. Мыслишка о переселении к праотцам... "Маловероятно, — смеется под дождем старик, скалясь зубами из нержавеющей стали, — ведь спорт, он для здоровья, чтобы нам крепчать". Тогда, в ограниченном канатами мире, — "А хоть и на войне", встрял Сергей Сергеев, — он не праздновал труса, не взревел, ухватясь за бок, хоть и очень хотелось, он сказал одно: стоять! Рефери все же открыл счет, его белая безрукавка прилипла к спине, зал гудел, багровые от напряжения секунданты выкрикивали инструкции, брызгая слюной чуть не до центра ринга. Он должен отдышаться, прогнать из глаз туман, сейчас это дело его жизни, и спасибо жизни, что так ясно ставит перед ним свои задачи. И он успел пару раз бросить кулаки вниз, встряхнуться, вытолкнуть из легких весь отработанный, сбитый в комок воздух, а резь в боку... что ж, благодаря ей, он точно знает, что жив и на ногах. На счет "восемь", когда поднял перчатки к расплюснутым, отображающим подобие улыбки губам и принял боевую позицию, в глазах соперника он прочел смятение. Ага! все желание стать чемпионом, всю страсть победить и способность терпеть, всего себя вложил тот в свой апперкот и не был готов к тому, что Сергей Сергеев продолжит. Ведь в поединках такого рода дело не в одной физической возможности или ее отсутствии. Главное в том, чтобы превозмогая свои возможности, остаться собой, провести свою игру и не купиться на чужую. И таким образом выдержать до конца. Побеждает всегда тот, кому это удалось, и будьте покойны, ему не суждено погибнуть от такой безделушки, как

автомобиль, который создан, как и спорт, в пользу человека, шутит старик, азартно расправив плечи и ступая с тротуара навстречу размытым дождем далеким огням. "Нарушил, но трети на штраф нету", — хочет он поддразнить медленно летящий в глаза гранитный поребрик и не успевает начать.

Игорь Соколов захлопывает блокнот — хватит! — только букочки пискнули, придавленные, закопошились в темноте. Выходит на лестницу, спускается, с отсутствующим выражением лица стоит перед газетным ящиком, тычет пальцем, нет, — почтальон давно сюда не заглядывал. Снимает с двери металлический лист, выбирается наружу, над Владимирской небо — вызрело в неочнувшуюся от сна розу. Но в голове продолжают мешаться распростертая на асфальте черная груда, задравшиеся брючины, сползшие носки, вывернутая белой ладонью вверх рука, кровь, толчки в катином животе, подсиненные неоновым освещением колпаки врачей, бледные встревоженные лица. Трясет головой — в заброшенном доме, где давно снят телефон, настойчиво повторяется звонок, словно истошный вопль скользит по полу, усеянному штукатуркой и стеклом. Гудки в трубке сливаются с толчками боли. Достаточно!

Понемногу Игорь Соколов успокаивается. Разбирает насморк, ночь, проведенная в затхлом сыром помещении, где сами стены, кажется, простужены, не пройдет даром. А ему и не надо даром. Проголодался так, что готов съесть собственные пальцы, однако, свеж — будто работу выполнил. Писать не очень трудно, по-настоящему трудно жить и писать. Обрывок обоев с телефонным номером летит в урну, поспеть бы к открытию сосисочной, пока очереди не набежало, и на вокзал.

Поездка, можно считать, удалась — пропитался дождем, надолго вперед довольно.

1985 г.